

Зинаида Миркина

Тихие сказки

Художник Елена Петрова

ил-был на свете Белый Заяц.

Он был похож на всех других белых зайцев, только у него почему-то всегда одно ухо торчало прямо вверх, а другое вздрагивало и опускалось, а глаза при этом были такие большие и удивленные, точно он видел не только то, что перед глазами, а как будто что-то еще, что его совершенно поражало, и он только никак не мог передать, что же это такое было. Когда все зайцы весело хрустели капустой, у него почему-то кочан выпадал из лап, и он не замечал этого, а о чем-то задумывался. Какой-нибудь плутишка зайчонок подкрадывался и съедал его кочан, но он даже не слышал этого. А когда потом спохватывался, то улыбался и махал лапой: «Ну и хорошо, что ты полакомился, а я потом что-нибудь найду себе». И уходил. Он действительно что-то искал все время, только капусту ли? Может быть, морковку? Однажды зайцы увидели его с длинной морковкой в лапах, но морковка эта была белая, а не красная.

– Какая смешная морковка, – сказал один шустрый зайчонок, – дай ее мне, ты же добрый. Но Белый Заяц только покачал своей пушистой головой с опущенным ухом и сказал: – Это не морковка. И это не для еды. – А для чего же? – А вот слушай.

Заяц приложил странную морковку к подбородку, достал откуда-то из-за пазухи тонкую серебряную палочку, положил ее на эту странную морковку и стал водить палочкой по морковке. И раздалась музыка. Какая это была музыка! Зайцы никогда не слышали ничего подобного. Они постепенно забыли и про капусту, и про морковку, и про все свои дела. Они даже позабыли про свои уши, свои лапы и хвосты.

И уши, и хвосты, и лапы устроились как им только хотелось – в самых невероятных положениях. Одно ухо устремлялось вверх, а другое позабывало подняться и торчало врастопырку; одна лапа держалась за ус, другая висела в воздухе. Вообще, если бы зайцы посмотрели на себя со стороны, они наверное расхохотались бы. Но в том-то и дело, что они на себя не смотрели, а слушали.

Они слушали, как Белый Заяц играл на скрипочке, потому что странная морковка была не чем иным, как маленькой волшебной скрипочкой с серебряным смычком. – Так вот что так долго искал Белый Заяц. И нашел-таки!

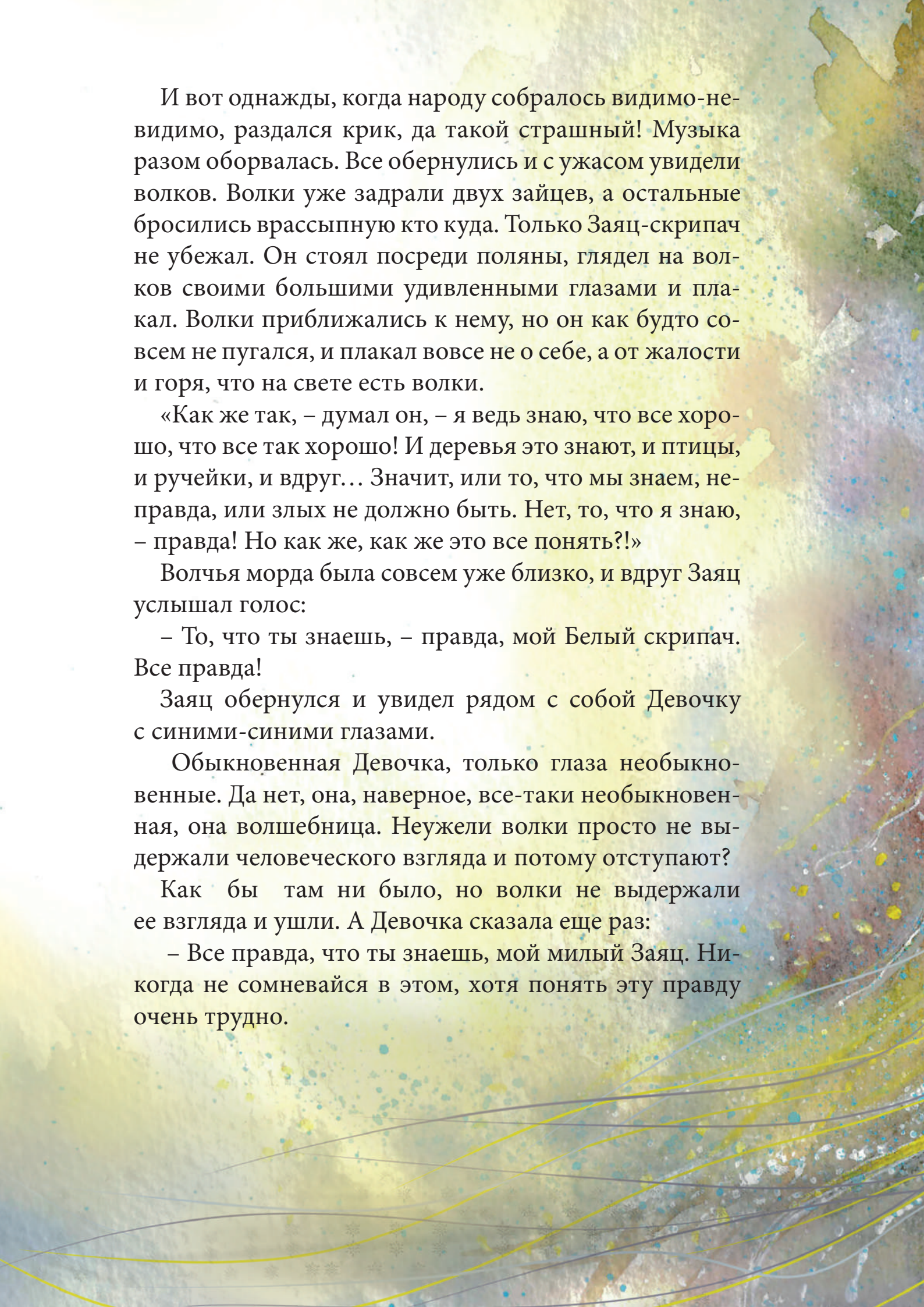
– Зайцы собирались вокруг него на полянке. Их было все больше и больше, и все они слушали, и хотя скрипка не говорила никаких слов, зайцы понимали очень ясно, что она хотела сказать: – «Все хорошо! Все очень-очень хорошо! Все так хорошо, – говорила волшебная скрипочка, – что это невозможно передать. Все деревья это знают, и небо знает, и птицы знают. Все ручейки и травинки знают, как все удивительно хорошо, и только зайцы не знают, но вот теперь должны узнать и зайцы, а может быть и другие звери».

– Когда Белый Заяц кончил играть, зайцы постепенно опомнились, подобрали свои лапы, и хвосты, и уши, заставили их принять надлежащее положение, вздохнули и побрели по своим норкам.

Но теперь уже зайцы не могли жить без волшебной скрипочки и только ждали, чтобы Белый заиграл. Хотя не все, конечно. Некоторые говорили: «Да ведь неправда все это. Он говорит: „Все хорошо, все очень-очень хорошо”. А как же хорошо, когда на свете есть волки и вовсе не всегда есть капуста и морковка?»

Но когда скрипочка начинала играть, даже и эти зайцы забывали про все, что сами говорили, и выходили на полянку слушать. И овцы, и козы из деревни приходили слушать Белого, и белочка заслушивалась и забывала скакать по деревьям.

И вот однажды, когда народу собралось видимо-невидимо, раздался крик, да такой страшный! Музыка разом оборвалась. Все обернулись и с ужасом увидели волков. Волки уже задрали двух зайцев, а остальные бросились врассыпную кто куда. Только Заяц-скрипач не убежал. Он стоял посреди поляны, глядел на волков своими большими удивленными глазами и плакал. Волки приближались к нему, но он как будто совсем не пугался, и плакал вовсе не о себе, а от жалости и горя, что на свете есть волки.

«Как же так, – думал он, – я ведь знаю, что все хорошо, что все так хорошо! И деревья это знают, и птицы, и ручейки, и вдруг... Значит, или то, что мы знаем, неправда, или злых не должно быть. Нет, то, что я знаю, – правда! Но как же, как же это все понять?!»

Волчья морда была совсем уже близко, и вдруг Заяц услышал голос:

– То, что ты знаешь, – правда, мой Белый скрипач. Все правда!

Заяц обернулся и увидел рядом с собой Девочку с синими-синими глазами.

Обыкновенная Девочка, только глаза необыкновенные. Да нет, она, наверное, все-таки необыкновенная, она волшебница. Неужели волки просто не выдержали человеческого взгляда и потому отступают?

Как бы там ни было, но волки не выдержали ее взгляда и ушли. А Девочка сказала еще раз:

– Все правда, что ты знаешь, мой милый Заяц. Никогда не сомневайся в этом, хотя понять эту правду очень трудно.

Девочка говорила это, а сама плакала, так ей было жалко зайцев, которых задрали волки.

А потом она сказала: – Я построю Белый город, где не будет волков и лис. Где будут только зайцы, ягнята и цветы. В этом прекрасном городе они будут в полной безопасности. Ни один волк не сможет проникнуть туда и там никто не будет плакать (разве только от счастья, но это не считается). И она взмахнула волшебной палочкой, точно такой серебряной палочкой, как смычок Белого Скрипача, и огородила место большой белой стеной. – Вот город, – сказала она. И там, где она взмахивала серебряной палочкой, там вырастал белый домик, который сам светился. И в городе этом было так красиво, как еще нигде и никогда не было.

Но вдруг одна старая зайчиха сказала:

– Простите, пожалуйста, а где же здесь будут огороды? Всюду одни цветы, и деревья, и ручьи, и речки, и озера, и светящиеся дома. Это, конечно, чудо как хорошо, но все-таки как же без капусты с морковкой?

– Капуста с морковкой появятся. Их будет столько, сколько тебе надо, как только ты перестанешь думать о них и задавать вопросы.

– То есть, как это? – удивилась зайчиха, но в это время раздался звон серебряных колокольчиков, и зайчиха стихла, раскрыв рот и забыв про свои лапы и уши, точно она была не старая зайчиха, а маленький зайчонок, и мама рассказывала ей сказку, и она совершенно всему верила, совершенно всему.

До чего же хорошо зажили зайцы, и ягнята, и белки, и птицы, и цветы, и деревья, и ручьи, и озера в этом волшебном городе! Волшебная белая стена пропускала внутрь города всех добрых, а перед злыми она сама собой смыкалась.

Никаких сторожей и никаких ворот не было. Просто стена была волшебная и слушалась она только волшебную скрипку. И все было удивительно хорошо. Совсем хорошо.

Как вдруг одному зайчонку показалось, что кто-то плачет. Он наострил ушки, удивленно поднял глаза и стал прислушиваться. Плач повторился, а потом раздался вой, который слышали и другие зайцы. Вой стал заглушать звон серебряных колокольчиков.

Зайцы подошли к стене и увидели в щелочку волков.

Волки жались к стене волшебного города и выли:

– Впустите нас! Мы не будем больше никого есть! У вас так тепло, и светло, и хорошо, а у нас такой мороз, такие вьюги! Мы погибаем здесь. Пустите нас!

Все серебряные колокольчики смолкли. Зайцы и ягнята задумались. Потом заговорили все сразу, так что Девочка должна была навести порядок, взмахнув серебряной палочкой, и каждый стал говорить вслед за другим, по очереди.

А говорили зайцы и ягнята совсем по-разному. Первый даже не сразу заговорил. Он просто заплакал горько, горько. Он вспомнил своих братьев и сестру, которых задрали волки, и никак, никак не мог успокоиться. А потом сказал:

– Я не могу жить с волками в одном городе. Если они придут, я уйду.

– Да тебе и не придется уходить, – сказал второй, – они сейчас же задерут тебя и других. Волки есть волки, неужели им кто-нибудь поверит?

– А я рад. Я счастлив, что слышу волчий вой. Наконец-то мы отомстили за себя, – сказал третий.

Тогда Девочка вздрогнула и приложила палец к его губам.

– Не смей так говорить, – сказала она. – Еще одно слово, и ты сам превратишься в волка. Да, заяц может превратиться в волка, волк – в зайца или человека. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Тогда заговорил четвертый заяц и сказал, что он не может, не может жить, если слышит, что кто-нибудь плачет.

– Мне не нужно волшебного города, если за стенами его плачут. Впустите волков, – попросил он Девочку. – А если они опять примутся за старое и будут есть зайцев и ягнят?

– Нет, нет, этого не может быть! Они же обещают!

– Ты, конечно, очень добрый, – сказала Девочка.

– Но может быть, таким добрым быть не так уж трудно? Ты, конечно, не станешь волком, но ты и защитить никого не сумеешь. Посмотри на своего бедного брата, как он дрожит! Сперва бы ты сумел пожалеть его, а потом уж волков. Чтобы пожалеть волков, надо стать очень сильным, а ты слабый. Слабый и безответственный.

– А что такое ответственный? – спросил маленький зайчонок.

И Девочка сказала, что ответственный – это тот, кто сумеет ответить и волкам, и зайцам так, как будто он находится и в волчьей, и в заячьей шкуре одновременно.

– Разве это возможно? – спросил старый заяц.

Девочка ничего не сказала, только все увидели, что она надевает свою пуховую шубку. В городе было совсем тепло. Зачем это она одевалась?

И тут вдруг она вынула из кармана свою Скрипочку, точно такую, как у Зайца-Скрипача, и сказала:

– Мои милые зайцы! Я уйду. Я должна пойти к волкам и разделить с ними их холод и голод. Впустить в город их нельзя, потому что волки есть волки, но и одних их оставлять я тоже не могу.

Оставайтесь в вашем волшебном городе и хорошенько его берегите до моего прихода, а я пойду к волкам и буду играть им на своей Скрипочке. Это все, что я могу и должна сделать.

И вот стена перед Девочкой разомкнулась, и она вышла наружу – к волкам.

Ух, какая вьюга тут была, какая тьма! И во тьме только поблескивали волчьи глаза.

– Идемте, – сказала Девочка волкам. – В город войти вы не можете, потому что слишком много зла вы сделали.

При вашем приближении камни стены начнут кричать. Но я буду с вами, где бы вы ни были. Идемте.

Тогда вышел старый волк и сказал:

– Ты говоришь, что слишком много зла мы сделали. Но разве мы виноваты в этом? Мы – волки. Разве мы сами сделали себя волками? И разве мы можем быть другими?

Девочка ничего не ответила. Она только вынула Скрипку и заиграла. А Скрипка говорила: «Все хорошо. Все хорошо. Все очень, очень хорошо! Так хорошо!.. И старый лес это знает, и морозная пыль это знает, вся земля и звезды знают, только волки еще этого не знают».

Волки слушали. Не так, как зайцы. Совсем по-другому. Но слушали. Они стали очень серьезными и неподвижными, так что их можно было спутать со старыми замерзшими деревьями, сквозь ветви которых начали поблескивать звезды.

Когда Девочка кончила, один волк отделился от стаи, подошел к ней и сказал:

– Ты говоришь, что все очень, очень хорошо, но как же это, если так холодно и мы голодаем?

– Мне тоже холодно, и я тоже голодна, – сказала Девочка. И больше ничего не сказала.

Однажды волки долго совещались о чем-то между собой, а потом попросили Девочку, чтобы она сыграла им на своей Скрипке.

И Девочка сыграла. «Все хорошо, все очень, очень хорошо! – пела Скрипка. – И деревья это знают, и звезды знают. И зайцы это знают. Только волки еще этого не знают».

Волки слушали. А потом сказали:

– Это неправда. Тебя можно заслушаться, но это неправда. Мы голодны. Ты не можешь накормить нас, а говоришь, что все хорошо. Ты нас обманываешь, и мы тебя съедим.

Ну что ж, – сказала Девочка и низко-низко опустила голову, так что она стала похожа на склонившийся под снегом замерзший куст.

– Конечно, если вы мне не поверили, вам ничего не остается, как съесть меня... Я готова.

– Мы голодны, а ты – обманщица, – повторили волки. – Все мы видим, что ты – обманщица.

Но вдруг из стаи выделился один волк, подошел к Девочке и заслонил ее собой.

– Нет, она не обманщица, – сказал он. – Все хорошо, все очень, очень хорошо, если мы можем сидеть рядом с ней и слушать ее. И я готов умереть с голоду, только бы она играла. Если я умру с голоду, но не трону ее ни одним зубом, все будет хорошо, все будет очень, очень хорошо. – И он подошел к Девочке и положил голову ей на колени.

– Ну вот, ты уже не волк, ты – Друг, – сказала Девочка и заплакала от счастья. – Я ушла из города, чтобы хотя бы один волк стал Другом и смог бы войти в Волшебный город. Если бы не нашлось ни одного такого, волки бы съели меня, и Волшебный город отделился бы от волков еще больше... А теперь... Смотрите и слушайте!

И волки услышали звон, тонкий, далекий, а потом все яснее, ближе, ближе... Звон и сияние приближались к ним, и вдруг прямо перед ними выросла белая стена. Стена раскрылась только, чтобы пропустить Девочку и Друга, и закрылась за ними.

И потом город медленно начал отдаляться, так что превратился в далекое белое облако, плывущее по небу.

И волки не знали, был ли он на самом деле, или не было его. Они остались совсем одни в пустом темном лесу. Совсем одни со всей своей волчьей тоской.

– Ах, почему мы не поверили ей, – завyli волки. – Почему, почему мы не поверили ей? Что же нам делать сейчас?

Но... Что это? То ли сосулька зацепилась за сосульку, то ли звездочка задела за обледенелую ветку дерева, только вдруг раздался тонкий звон. Звон рос, приближался и превращался в слова:

*«Все хорошо, все очень, очень хорошо!
Никогда не поздно этому поверить».*

